

ТВОРЧЕСТВО ЙЫРЧЫ КАЗАКА: ИСТОРИСОФСКИЙ АСПЕКТ

Р.З. Акавов

Статья посвящена творчеству кумыкского поэта XIX в. Й. Казака, рассмотренного в интересующем нас культурно-историческом историсофском аспекте изучения художественного метода. Особую актуальность приобретает в настоящее время новое прочтение Й. Казака в его диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности с мировоззрением, с идейными и общественно-эстетическими установками поэта.

Article is devoted to creativity of the kumytsky poet of the XIXth century of J. Kazaka considered in cultural and historical istoriosofsky aspect interesting us of studying of an art method. The special urgency is got now by J. Kazaka's new reading in its dialectic interrelation and interconditionality with outlook, with ideological and public and esthetic installations of the poet.

Ключевые слова: поэт, историсофский, идеология, культурно-исторический, кумыкская поэзия.

Key words: the poet, istoriosofsky, ideology, cultural-historical, kumytsky poetry.

У истоков кумыкской национальной литературы, по всеобщему признанию, стоял такой крупный мастер, художник-реалист, как народный поэт кумыкского народа Йырчы Казак, с именем которого связаны ее формирование и поистине небывалый взлет. Один из талантливых исследователей жизни и поэтической судьбы Й. Казака С.М. Алиев пишет: «Поэзия, созданная Й. Казаком, поистине народна не только по форме, но и прежде всего по социально-политической направленности в высшей степени индивидуального поэтического мастерства. Если она вписана в память народную, если она вызывает к себе неослабленный интерес, то она, несомненно, пульсировала в умонастроении, в характерах, в судьбах людей. Можно сказать с уверенностью, что через личную судьбу поэта просматривается вся судьба его народа. Возможно поэтому интерес к жизни и творчеству Й. Казака не угасал, с годами: поэт стал легендарной личностью, о нем народ до сих пор слагает легенды и песни, а писатели создают поэмы, пьесы, романы. Й. Казак стал первым общенациональным поэтом кумыков, народным героем, примером служения своему народу, защитником справедливости, человеком неспясаемой воли, нравственной чистоты и высокого поэтического мастерства» [1, с. 32].

В интересующем нас культурно-историческом историсофском аспекте изучения художественного метода особую актуальность приобретает новое прочтение творчества Й. Казака в его диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности с мировоззрением, с идейными и общественно-эстетическими установками поэта. В связи с недостаточной разработанностью вопросов художественного метода поэта особую значимость представляет, пожалуй, мировоззренческий аспект в том его значении, которое открывается в трудах академика М.Б. Храпченко: «Вопрос о мировоззрении писателя следует рассматривать, прежде всего, как вопрос о видении мира, о характере и особенностях раскрытия явлений действительности, об отношении к ним. Несомненно, что талант художника сам по себе – это способность воспринимать процессы

жизни острее и глубже, чем свойственно другим людям, способность чувствовать и видеть то, что остается незаметным для других. Взволнованный и глубокий отклик на впечатления бытия, проникновение за внешние грани явлений и событий, постижение дотоле неизвестных особенностей – органическое свойство настоящего художественного таланта. Качественную определенность, "системность" представлениям и наблюдениям художника придает его общий взгляд на мир, складывающийся в процессе жизненной практики, в конкретных общественно-исторических условиях» [3, с. 6–7].

Произведения Й. Казака отражают более конкретные коллизии социально-исторической жизни народов Северного Кавказа. В условиях, когда отсутствует сколько-нибудь основанное на документальных фактах жизнеописание писателя, приходится пользоваться методом текстологического изучения связей творчества поэта с теми событиями, которые находят свое отражение в его творчестве. При этом необходимо быть максимально внимательным к соотношению исторического и вымышленного, факту и художественному обобщению.

По единодушному мнению исследователей творчества поэта, одним из доминирующих признаков поэтики Й. Казака является верность художника к точности изображаемых фактов, явлений, которые затем, в процессе творческого «воплощения» в образы получают иную, обобщенную жизнь. Поэзии Й. Казака характерно «документальное» следование за событиями, которые осмысляются, «переживаются» им в определенных идейно-эмоциональных «позициях». Кстати, такая «событийность», прикрепленность произведений к фактам (биографическим, историческим и т.д.) составляет отличительную черту, своеобразие художественного метода Й. Казака. В аспекте проблем и задач настоящего исследования установление этой взаимосвязи творчества поэта с коллизиями социально-исторической действительности имеет особое значение.

В этом смысле следует обратить внимание на возникающий у казакведов любопытный вопрос: как могло случиться, что М.-Э. Османов, лично знакомый с Й. Казаком, собиравший его стихи и при жизни же издавший их в Петербурге, в то же время не включил в свою «Хрестоматию» все произведения поэта. Некоторые исследователи склонны видеть в этом «цензурные соображения» М. Османова. Такая трактовка представляется не выдерживающей критики прежде всего на фоне тех произведений, которые вошли в «Кумыкско-ногайскую хрестоматию» М. Османова, в особенности такие создания Й. Казака, как «Эпитафия на смерть генерал-майора князя Хасая Уцмиева», «Еще раз на смерть Хасая Уцмиева» и др.

Чтобы прийти к решению этого вопроса, прежде всего, необходимо выйти из привычного представления творческой биографии поэта. К примеру, возьмем стихотворение, написанное по поводу смерти Абдулмуслим-шамхала, которое можно датировать 1860 г. (год его смерти), имея в виду, что произведения такого эпитафийного характера, как правило, создаются вслед за событиями, по «горячим следам». Отсюда следует, что «Сибирский цикл» стихов написан до 1860 г. потому что в них этот шамхал (именно Абдулмуслим-шамхал, а не другие) процветает в своем еще незабываемом феодальном великолепии и пребывает в дворцовом окружении и составляет реальную силу, определяющую судьбу поэта-узника. Далее, как показывает стиль, эпитафия «На смерть Абдулмуслим-шамхала» написана человеком, у которого ощущается новая социально-политическая ориентация, по мнению К.Д. Султанова, открыто звучит

ирония на «старые добрые» времена, «рыцарские доблести», «благородного» феодала. Произведение написано ровно, без каких-либо срывов в ту или иную романтически-эмоциональную стихию. В нем чувствуется последовательность изложения, творческий процесс, литературная работа. Все это, конечно, возможно было достичь благодаря углублению социального и исторического анализа действительности, на этапе более зрелого творческого развития, в условиях иной социальной действительности.

Далее симптоматичен и следующий аспект. Через весь «Сибирский цикл» стихов, а также через произведения, имеющие какую-либо связь с русской действительностью (например, два стихотворения, посвященные окончанию Кавказской войны и Шамилю, эпитафии на смерть Х. Уцмиева, «Письмо Магомед-эфенди Османову», «Панегирик Умар-эфенди Османову», «Панегирик замечательному хозяину Шихмурзе Аджаматову»), показательно некое «стадиальное» развитие отношения поэта к России. При этом имеется в виду обобщенная характеристика типа «русский век», «скандальный век» и т.д. Эта идейно-эмоциональная переакцентировка наглядно иллюстрируется на понижении субъективной интонации поэта в адрес русского государства. «Сибирский цикл» стихов дает такие модели эпитетной конструкции: «этот гяур», «этого гяура», «собака-гяур», «гяурская страна» и т.д. Сочетаний с «гяур» 10, к ним примыкают сочетания «враг по вере» (3), «сибирский край – да будь он могильной плитой!» (1). В этот наиболее активный фонд вступают такие же символизированные эпитеты в произведении, написанном по поводу событий, связанных с окончанием Кавказской войны и пленением Шамиля. Царизм в нем ассоциирован в сочетании указательного местоимения «этот», выступающего в роли символа-эпитета с определяемым словом «гяур» (6), три раза в этом произведении данное понятие получает формулу «враг по вере». Столь бурная эмоциональная насыщенность одного произведения в сравнительной связи с 11 стихотворениями «Сибирского цикла» исторически объяснима. По возвращении из ссылки поэт стал свидетелем поражения национально-освободительной борьбы народа против того же «врага по вере» или «гяура», в «гауптвахтах» которого он провел «три года», «дней, как иссини крошечные ночи».

В дальнейшем идет понижение интонации, поэт становится более «дипломатичным», сдержанным. В остальных произведениях, где в той или иной связи выступает отношение поэта с русскими, их восприятие воплощается в других семантических формулах: «Арсей» (Россия), «орус пача» («русский царь»), «ят эл» («чужая страна»), «узакъ эл» («далекая страна») и т.д.

1860–1880 гг. являются периодом интенсивного творческого развития Йырчы Казака. В это время он создает произведения «Не в чести теперь острые клинки» (1860), «На смерть Абдулмуслим-шамхала» (1860), панегирики «Умар-эфенди Османову» (1863–1864), «Замечательному хозяину Шихмурзе Аджаматову» (1865), «Шамилю» (1864), эпитафии «На смерть генерал-майора князя Хасая Уцмиева» и «Еще раз на смерть Хасая Уцмиева» (оба в 1867), «В день скандала не ликуют» (ок. 1868), «Письмо Магомед-эфенди Османову» (1873), «Венок песен» (1870-е), «Песня пахоты», «И мы поклялись...» и др.

Характеризуя идейно-тематическую концепцию, «выбор предмета познания» в этих произведениях, следует подчеркнуть, что в них в основном отражена действительность 60–70 гг. XIX в. Причем знаменательно то, что в этих произведениях отражается во многом изменившееся мировоззрение поэта, в поисках идеала обращающего свои взоры на поднимающуюся новую «поросль» – национально-патриотическую интеллигенцию: ученых, поэтов, общественных деятелей, деловых представителей рождающегося класса буржуазии, которые можно рассматривать как историософскую концепцию Й. Казака. Вместе с конкретиза-

цией, определенностью «предмета познания» происходят коренные изменения в построении произведений, подчиняясь или мобилизуясь созданию характера, культурно-исторических типов героев новой формации, вбирающих в свою структуру идею народного блага в широком смысле слова. В этом направлении формируется историософское мировоззрение поэта. Самыми существенными компонентами этой идеи являются защита интересов трудящихся масс (крестьянства в частности), человеколюбие (при этом это понятие в определенной степени расчленено – то есть угнетатель и угнетаемый достойны не одинаковой любви), просвещение народа и т.д.

Указанная особенность мировоззрения Й. Казака предполагает поиски в окружающей новой национально-исторической среде людей, личностей, индивидуальностей, являющихся реальными носителями существенных, с его точки зрения, особенностей национально-исторической жизни. Отсюда и создание «характеров», правда, во многом заданных, схематичных, «плакатных». Й. Казак, очевидно, осознанно выделяет, усиливает, развивает в идеализируемых им характерах именно эти стороны и отношения – разумное рачительное хозяйствование, гуманизм по отношению к трудящимся массам, высший интеллект, честность, справедливость и т.д.

В этом смысле такие произведения Й. Казака, как «У.-Э. Османову», «Письмо М.-Э. Османову», «Шихмурзе Аджаматову», «Еще раз на смерть Хасая Уцмиева», могут быть рассмотрены как произведения, в которых нашли воплощение общественные характеры, идейно-осознанные и оцененные поэтом. К ним по своей теме, проблематике и пафосу типологически примыкают и стихотворения М. Османова «Абдулкадыру Мантикову» (1872), «Адильсултану Капланову» (1873), «Арсак-Яндархану» (1873), «О себе» (1862).

Таким образом, как важнейший теоретический (методологический) и общественно-практический аспект отмечается идейно-эстетическая ориентация Й. Казака и М. Османова в начале 60-х гг. на принципы народности: они пытаются разобраться в вопросах о назначении человека в обществе и месте творческой личности в нем, об ответственности человека перед обществом, народом.

Обращение к таким героям важно для поэтов, прежде всего, для изложения своего отношения к современной морали. В жизни и в идеале их герои противостояли тем нормам, которые одерживали верх в обществе.

Идея нравственного самосовершенствования как часть просветительского учения «естественной нравственности» казалась Казаку и Османову спасительной возможностью, с помощью которой может быть осуществлено преодоление всех общественных зол и противоречий. В данном случае чувство сострадания, склонность к добру, благотворительность проповеваются писателями как идейная мотивировка всеобщего благоденствия и благополучия.

Таким образом, раскрепощенное чувство служит как нравственному совершенствованию отдельной личности, так и ослаблению социального зла. Просветительский тезис о стремлении к счастью как основному импульсу всей человеческой деятельности приобретает идейно-эмоциональную окраску и оценку, счастье становится невозможным при наличии чужого страдания.

Список литературы

1. Алиев С. М. Вопросы творческой биографии Йырчы Казака / С. М. Алиев // Йырчы Казак – классик дагестанской литературы. – Махачкала, 1982. – С. 32.
2. Османов М. Кумыкско-ногайская хрестоматия / М. Османов. – СПб., 1883. – С. 165.
3. Храпченко М. Б. Художественный метод и творческая индивидуальность писателя / М. Б. Храпченко. – М. : Наука, 1964. – С. 6–7.